

Информация для цитирования:

Борисова Е. О. Мотивационная специфика прозвищ, интерпретирующих особенности речи и речевого поведения человека (на материале севернорусских говоров) / Е. О. Борисова // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 9. — С. 9—29. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-9-9-29.

Borisova, E. O. (2025). Motivational Specificity of Nicknames Interpreting Speech Characteristics and Communication Behavior: A Study of Northern Russian Dialects. *Nauchnyi dialog*, 14 (9): 9-29. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-9-9-29. (In Russ.).

Web of Science™

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Мотивационная специфика прозвищ, интерпретирующих особенности речи и речевого поведения человека (на материале севернорусских говоров)

Борисова Елизавета Олеговна

orcid.org/0000-0003-3749-3307

кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка
для иностранных учащихся
joborisowa@ya.ru

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России

Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Российского научного фонда,
проект № 23-18-00439
«Ономастикон и лингвокультурная
история Европейской России»

Motivational Specificity of Nicknames Interpreting Speech Characteristics and Communication Behavior: A Study of Northern Russian Dialects

Elizaveta O. Borisova

orcid.org/0000-0003-3749-3307

PhD in Philology,
Associate Professor, Department
of the Russian for Foreign Students
joborisowa@ya.ru

Ural Federal University
named after the First President of Russia

B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 23-18-00439
“Onomasticon and the linguistic
and cultural history
of European Russia”

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье рассматриваются севернорусские индивидуальные прозвища, мотивированные особенностями речи и речевого поведения человека. Материалы извлечены из антропонимической картотеки Топонимической экспедиции Уральского университета. Проанализировано около 300 фиксаций индивидуальных прозвищ, большая часть из них впервые вводится в научный оборот. Предлагается классификация прозвищ по мотивам номинации, разработанная на основании сопроводительных мотивировочных контекстов (в них фиксируется рассказ информантов о причинах появления того или иного прозвища). Подчеркивается, что классификация носит принципиально вероятностный характер и отражает языковую рефлексию наивно-языкового сознания. Автор приходит к выводу, что в прозвищах отмечены как физические особенности речи (скорость, высота и тембр голоса и т. д.), так и её содержание (часто используемые слова, соответствие речи литературной норме и пр.). Наиболее широко представлены группы «Частотное словоупотребление», «Речевые дефекты», «Речевое поведение и стиль общения». Установлено, что ведущей моделью образования прозвищ является закрепление в их внутренней форме слова-примера, имитирующего особенности речи человека.

Ключевые слова:

внутренняя форма; индивидуальные прозвища; образная номинация; речевое поведение; севернорусские говоры.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article explores the individual nicknames from Northern Russian dialects that are motivated by distinctive speech characteristics and communication behaviors. The materials were drawn from the anthroponymic database of the Toponymic Expedition of Ural Federal University. Approximately 300 instances of individual nicknames were analyzed, with a significant portion being introduced into scholarly discourse for the first time. A classification of nicknames based on nomination motives is proposed, developed from accompanying motivational contexts that capture informants' narratives about the origins of specific nicknames. It is emphasized that this classification is fundamentally probabilistic in nature and reflects the linguistic awareness of naïve linguistic consciousness. The author concludes that the nicknames reveal both physical aspects of speech (such as speed, pitch, and timbre) and content-related features (including frequently used words and adherence to literary norms). The most prominent categories include "Frequency of Word Usage," "Speech Defects," and "Communication Behavior and Style." It has been established that the primary model for nickname formation is the fixation of an exemplar word within their internal structure, which imitates the individual's speech characteristics.

Key words:

internal form; individual nicknames; figurative nomination; speech behavior; Northern Russian dialects.

УДК 811.161.1'373.231

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-9-9-29

Научная специальность ВАК

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Мотивационная специфика прозвищ, интерпретирующих особенности речи и речевого поведения человека (на материале севернорусских говоров)

© Борисова Е. О., 2025

1. Введение = Introduction

Прозвища — особый класс антропонимов, выполняющий наряду с индивидуализирующей также и характеризующую функцию [Никулина, 1989, с. 117]: в отличие от официальных личных имен они отражают какое-либо свойство, признак своего обладателя, значимый для микросоциума, внутри которого прозвища возникают и функционируют. В процессе полевого сбора прозвищной антропонимии есть возможность выяснить причину наделения человека тем или иным прозвищем, поскольку «информанты передают сведения не только о самих прозвищах, но и об их носителях, о времени и условиях создания имени, точных мотивировках, об авторе именования, о дальнейших изменениях в восприятии прозвища и т. п.» [Рут, 1992, с. 74]. В нашей статье рассматриваются традиционные «деревенские» прозвища (как называют данный тип прозвищ, например, авторы «Большого словаря русских прозвищ» Х. Вальтер и В. М. Мокиенко [Вальтер и др., 2007]), зафиксированные Топонимической экспедицией Уральского университета на территории Русского Севера (то есть в Архангельской, Вологодской и Костромской областях) и отражающие представления коллектива об **особенностях речи и речевого поведения** носителя прозвища, такие, например, как: *Кóлокол Оси́новый* (ж.): «Она у нас поговорить любила, вот и звали Колоколом Осиновым» (Влг.: Баб., Горка), *Манька Барабан* (ж.) и *Манька Граммофон* (ж.): «По соседству жили Манька Барабан и Манька Граммофон. Одна быстро говорила, другая громко» (Влг.: К-Г., Мякинная), *Нехáй* (м.): «Один всё “нехай” да “нехай”, вот его Нехай и прозвали» (Влг.: К-Г., Селиваново).

Важным признаком прозвищ, использующихся как дополнительный способ обозначения человека в устной речи, исследователи считают экспрессивность: «Принадлежа к разговорному пласту диалектной лексики,

прозвища уже обладают, на наш взгляд, объективной экспрессией, положительной или отрицательной» [Никулина, 1980, с. 119]. Экспрессивно-оценочная функция прозвищ определяет выбор номинативных признаков и способ их вербализации: «Собственно языковое воплощение образной модели диктуется в конечном счете именно стремлением выразить отношение к объекту номинации, как правило, негативное, ср.: *Банная Затычка*, *Коровье Ботало* и др.» [Рут, 1992, с. 66]. Другими словами, прозвищные антропонимы, как правило, экспрессивны, реализуют модели образной номинации и обладают прозрачной внутренней формой: положенный в основу номинации признак известен языковому коллективу, формально закреплён и «считывается» участниками коммуникации при употреблении прозвища. Перечисленные особенности прозвищ определяют интерес исследователей к рассмотрению данного вида антропонимов в мотивологическом аспекте, прежде всего — к разработке классификаций прозвищ по предполагаемому мотиву номинации. Классическими являются работы А. М. Селищева (первое издание — 1948 года, в настоящей статье цитируется по [Селищев, 2003, с. 399—406]), представившего классификацию древнерусских прозвищ, впоследствии ставших основой фамилий, и В. К. Чичагова [Чичагов, 1959, с. 34—36]. В. К. Чичагов утверждает, что «в современных русских говорах представлены прозвища тех же семантических групп, которые намечены А. М. Селищевым до XVII века» [Там же, с. 34]. При этом в отличие от А. М. Селищева, совмещающего в классификации значение производящей основы и собственно мотивационные признаки, В. К. Чичагов уже выделяет «Прозвища по особенностям речи» [Там же, с. 38]. В более поздних классификациях прозвища, мотивированные особенностями речи и коммуникативного поведения, занимают важное место. Так, например, В. А. Флоровская, анализируя прозвища в русских говорах Кубани в аспекте реализуемых ими мотивационных моделей, выделяет модель «Особенности произношения» (третью по продуктивности группу после «Внешнего вида» и «Черт характера, привычек»), в которую включает а) прозвища, появившиеся как результат неправильного произношения слов или звуков (*Орой* вместо *Открой*); б) прозвища, образованные от слов и выражений, часто встречающихся в речи человека, ставшего объектом номинации (*Колихошь*, *Дай закуришь*); в) прозвища, соотносительные с характеристикой речи в целом (темп, дикция и т. п.) [Флоровская, 1971]. Т. Н. Чайко, основываясь на материалах Топонимической экспедиции Уральского университета, собранных в ходе полевых исследований в Кировской области, различает следующие мотивационные признаки: а) общие особенности речи: *Миколо* («говорит, как мычит»); б) характерные выражения: *Баранник* («любимая поговорка была: баран-

ник ты!»); в) речевые ошибки: *Бастрык* («у нас прижим, а он назвал бастрык (бастры́к — длинная толстая палка, служащая для придавливания воза)»); г) самоназвания: *Король* («отец его пьяным похвалялся: “Я — как король!”») [Чайко, 1971, с. 152]. «Речь» называет А. В. Гузнова в числе четырех признаков, которые отражают прозвища в Арзамасских говорах [Гузнова, 2016, с. 94] — и так далее. Севернорусские прозвища, мотивированные особенностями речи, становились и предметом отдельного исследования. Я. В. Малькова анализирует семантику производящих основ прозвищных антропонимов, которые отражают «представления ... об излишней разговорчивости и быстроте речи или, напротив, молчаливости и медленной речи» [Мальков, 2023, с. 136].

Таким образом, прозвища, отмечающие физические признаки речи и речевое поведение человека, занимают одно из центральных мест в системе прозвищной антропонимии, а наша статья продолжает серию исследований индивидуальных прозвищ, закрепляющих во внутренней форме характерную речевую особенность человека. Отсутствие системных работ, рассматривающих севернорусские индивидуальные прозвища в мотивологическом аспекте, определяет её актуальность и научную новизну.

Завершая обзор, отметим исследования, которые были посвящены коллективным прозвищам, основанным на речевых характеристиках их обладателей, а также этнонимам и лингвонимам, мотивированным фонетическими и лексическими особенностями конкретного языка или диалекта. Несмотря на то, что они выполнены не на материале русских народных говоров, в них описана интересная модель и предложен специальный термин: П. Макконвелл [McConvell, 2006] приводит его со ссылкой на Н. Тиндаля [Tindale, 1974]) — *шибболетнонимы* (shibbolethnonyms) [McConvell, 2006]. Термин образован путем соединения английских слов, соответствующих русским *шибболет* и *этноним*: согласно ветхозаветной истории, носители галаадского диалекта еврейского языка по произношению слова *шибболет* определяли носителей ефремского диалекта, в котором не было звука [ш]. Позднее термином *шибболет* стало обозначаться слово-пароль, выражение, по которому можно опознать группу людей [Ивановић, 2023, с. 278], и — шире — «некоторая черта, характеристика устной речи или письменного текста, на основе которой возможны суждения не о содержании произнесенного или написанного, а о самом говорящем или пишущем (о его происхождении, профессии, возрасте, поле, о его душевном состоянии и т. д.)» [Верещагин и др., 2005, с. 338]. П. Макконвелл определяет шибболетнонимы как этнонимы, «образованные от отличительного слова, используемого группой» [McConvell, 2006, с. 186], или, шире, «от отличительной лингвистической особенности речи группы» [Там же, с. 194].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Как было сказано выше, наша статья основана на полевых материалах Топонимической экспедиции Уральского университета, в антропонимической картотеке (сокр. — АКТЭ, для удобства подачи мы приводим прозвища без паспортизирующих ссылок) которой содержится более 12000 фиксаций индивидуальных прозвищ. При сборе прозвищных антропонимов экспедиция считает важным фиксировать также сопроводительные (мотивировочные) контексты: мнение информанта о причинах появления того или иного именованного, — на которые мы и опираемся в настоящей работе. Мотивировочным контекстом, указывающим на особенности речи и речевого поведения носителя прозвища, снабжены около 300 фиксаций.

Необходимо, однако, отметить вероятностный, гипотетический характер мотивировочных контекстов, являющихся в большей степени свидетельством языковой рефлексии информанта, а не отражением объективной действительности. Несмотря на то, что степень достоверности ряда контекстов представляется достаточно высокой, особенно в случае уверенного воспроизведения информантом подробностей ситуации, которая привела к появлению нового онима (ср., например, следующий контекст: «Он говорил так неправильно. И один раз кричит про комбайн: “Падот, падот”. В смысле “упадет”. Вот и прозвали Падот» (Влг.: Баб., Новая Старина) и под.), в большинстве случаев записанные в полевых условиях «версии» обладают принципиальной непроверяемостью, поскольку отсылают к конкретным ситуациям, произошедшим в прошлом, или личностным особенностям человека, носившего это прозвище, неизвестного исследователю. Приведем несколько примеров, иллюстрирующих возможность нескольких интерпретаций происхождения прозвища, в том числе отличных от предложенной информантом версии:

1. В разных населенных пунктах, входящих в состав одного — Устьянского — сельсовета, зафиксировано прозвище *Солодяга* (м.) с близкими, но не совпадающими объяснениями: «У него присказка была: “Эй ты, Солодяга!”» (Влг.: У-Куб., Лесозавод) и «Отец сказал: “Эх ты, Солодяга!” — я машину в воду загнал» (Влг.: У-Куб., Кочурово). Очевидно, что речь идет об одном и том же или взаимосвязанных прозвищах. *Солодягами* могли называть отца и сына (прозвище сына в этом случае «унаследовано» от отца), или одному из двух информантов хуже известны подробности ситуации.

2. Записывая прозвище *Суслик* (м.): «Я в школе букву “ж” не выговаривал, говорил “сизу” вместо “сизу”, поэтому и прозвали Сусликом» (Арх.: Вил., Дресвянка), — собиратель высказывает сомнения в достоверности версии информанта, отмечая: «Информант отчасти похож на вышеупомянутое животное». Обратим внимание, что в этом примере, как и в пре-

дыдущем, различаются версии непосредственного носителя прозвища и стороннего наблюдателя, что соответствует специфике функционирования прозвищ в целом: о «чужих» прозвищах человек может быть информирован значительно лучше, чем о своем.

3. Нередко информанты не знают, почему именно возникло то или иное прозвище, однако высказывают свои предположения, например: *Скріпка* (ж.): «Так, наверно, из-за голоса» (Костр.: Парф., Николо-Ширь), *Бұхало* (м.): «Бұхало — бұхал много, может, кашлял» (Костр.: Мак., Хмельничное), *Родной* (м.): «Может, к кому-то он обращался “родной”» (Костр.: Ост., Адищево), *Могу́лиха* (ж.): «Муж ее так называл — “моя Могу́лиха”. Может, говорила “могу ли”?» (Костр.: Мак., Макарьев) и др. Примеры такого типа интересны с двух позиций: с одной стороны, наличие эксплицитированного сомнения в мотивационном контексте зависит от того, как информант понимает свою «задачу», от особенностей сбора и записи антропонимов и т. д. — другими словами, предположения, а не уверенность могут встретиться и в тех контекстах, где они формально не выражены. С другой стороны, подобные мотивировочные контексты фиксируют «модель деривационно-мотивационных связей, актуальную для языкового сознания. Потенциалы восприятия и создания имени обратимы: то, что отражается в актах рефлексии по поводу названия, может быть реализовано в номинациях» [Березович, 1998, с. 29].

Цель нашей статьи, таким образом, заключается в описании мотивационных признаков и вариантов вербальной реализации, актуальных для прозвищных антропонимов в традиционной деревенской культуре. Одна из важных задач, которую мы ставим перед собой, — как можно более полное представление материала, поскольку большинство прозвищных антропонимов, приведенных в статье, впервые вводится в научный оборот.

Оговорим некоторые формальные аспекты подачи языковых фактов:

- 1) в скобках уточняется пол обладателя прозвища;
- 2) при паспортизации указывается область и район фиксации прозвища, а также населенный пункт, в котором прозвище функционирует;
- 3) прозвища, реализующие сходную модель, перечисляются по алфавиту.

Отметим, что населенный пункт, в котором прозвище функционирует, не всегда совпадает с местом фиксации онима (прозвища могут быть известны в соседних деревнях, информанты переезжают из исчезающих деревень в более крупные населенные пункты рядом и т. д.). Вопрос, какой именно населенный пункт указывать, неоднозначный, однако мы приняли решение приоритетным считать именно место функционирования прозвища, стремясь к воссозданию изначально сложившейся системы прозвищной антропонимии.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Перейдем к представлению материала. Нами выделены группы прозвищ в соответствии с признаком, положенным в основу прозвищной номинации. Первыми будут описаны прозвища, мотивированные физическими признаками речи, такими, например, как скорость речи, тембр голоса, особенности произношения, дефекты дикции и т. д. (разделы 3.1, 3.2, 3.3), далее — прозвища, отмечающие содержательную специфику речи: как человек взаимодействует в социуме, какие слова часто использует, соответствует ли его речь литературной норме и т. д. (разделы 3.4, 3.5, 3.6, 3.7). Завершают обзор номинации, отсылающие к словам других людей в адрес будущих носителей прозвища (раздел 3.8).

3.1. Физические признаки речи

Начнем с прозвищ, мотивированных физическими особенностями речи, то есть прозвищ, отмечающих скорость, громкость речи, высоту голоса и другие признаки, выделяющие речь носителя прозвища среди других.

Наиболее широко представлены прозвища, маркирующие слишком высокую скорость речи, осложняющую восприятие и, как следствие, коммуникацию в целом: *Звоно́к* (м.): «Звонок, быстро больно говорил» (Арх.: Пин., Вижево), *Кита́ец* (м.): «Заговорит скоро, частит, не разберёшь, Китайцем прозвали» (Влг.: Кир., Зыково). Во втором случае именно неразборчивость речи закреплена во внутренней форме (ср., например, литер. *китайская грамота* ‘о чем-либо, написанном на непонятном языке или непонятными чтецу знаками’ [ССРЛЯ, т. 3, с. 364]), и в целом в данной группе преобладают образные номинации, при этом активно привлекаются образы современные, связанные с техническим прогрессом: *Вертолёт* (м.): «Вертолёт был, говорил быстро» (Арх.: Прим., Яреньга), *Пулемёт* (м.): «Прозван за манеру быстро говорить, слглатывая окончания» (Арх.: Вел., Турыгино) и *Пулемёт* (м.): «Он говорит очень быстро, как строчит из пулемёта» (Арх.: Уст., Квезеньга). Способность прозвищ ‘осваивать’ реалии меняющейся действительности отмечает М. Э. Рут: «В антропонимии гораздо больше ощущается открытость образных моделей, зависимость образа от конкретной ситуации (непосредственных занятий номинатора или номинируемого, наличие тех или иных реалий в момент номинации и т. п.)» [Рут, 1992, с. 67]. Фиксируются, однако, и прямые номинации: *Тараторка* (ж.): «Бабушка была тараторка, как из пушки лепит, говорит как» (Арх.: Холм., Верхнее Заполье), *Ягудкин* (м.): «Его прозвали так за то, что очень быстро говорил (ср. арх. *яговать* ‘говорить’ [ЛКТЭ])» (Арх.: Карг., Соколинская). Медленная речь в прозвищах почти не отмечена: *Поло́гий* (м.): «Поло́го (ср. влг. *поло́го* ‘медленно, протяжно (петь, гово-

речь)» [СРНГ, т. 29, с. 98]), протяжно разговаривал» (Влг.: В-Уст., Савинская) (см. также примеры, приведенные в [Малькова, 2023]).

В оппозиции «громкий — тихий» также доминирует первая часть: значительно чаще соответствующие прозвища получают обладатели громкого голоса (*Гóрлышко* (м.): «Горлышком звали — как заорет, далеко слышно» (Костр.: Вох., Шубот), *Громовік* (?): «Голос был, как гаркнет — за три километра слышно» (Арх.: Шенк., Дывлевская), *Рéва* (м.): «Песни громко пел, громкой был» (Арх.: Пин., Городок), *Ўхало* (м.): «Очень громко разговаривал, и смеялись всё: “Ўхало, Ўхало!”» (Арх.: Вил., Витюнино) и др.) — и только в одном случае появление прозвища объясняется голосом тихим: *Пікуля* (м.): «Голос негромкой» (Влг.: Нюкс., Семенова Гора).

Наконец, прозвище может быть дано за необычный тембр голоса: *Бухало* (м.): «Говорил, как бухал» (Влг.: Ваш., Маурино), *Ква́кин* (м.): «Голос смешной у него. А на самом деле он Иванов, только этого никто не знает» (Влг.: Нюкс., Семенова Гора), *Колоколéц* (м.): «Говорит, как бренчит» (Влг.: К-Г., Верхнее Алтушево).

3.2. Речевые дефекты

Следующую группу прозвищ, характеризующих физическую сторону речи, составляют наименования, мотивированные различными речевыми дефектами. Наиболее часто информанты отмечают, что обладатель прозвища говорит невнятно, плохо, «худо», а внутренняя форма прозвищ во многих случаях отсылает к немоте, поскольку невнятная речь означает отсутствие возможности нормальной коммуникации: *О́сип-Немыта́рь* (м.): «А потому што худо говорил, здоровый был мужик» (Арх.: В-Т., Лохама), *Немо́й* (м.): «Так-то он говорил, а что скажет — и не поймешь, чего» (Костр.: Парф., Агапитово), *Нёмо́й* (м.): «Дядя Ваня худо мог слова выговаривать, так его Нёмой звали» (Костр.: Окт., Андреево). Широко представлены также звукоподражания, имитирующие речь невнятно говорящего человека: *Бомá* (м.): «Плохо говорил он, потому так и прозвали» (Арх., Он., Пурнема), *Курлы́нка* (ж.) «Говорила, как “курлу-курлу”, плохо говорила» (Костр., Парф., Матвеево), *Мо́мко* (м.): «Плохо с речью у нево было» (Арх., Вил., Рязань), *(Ко́лька)-Шарча́ло* (м.): «Худо говорит, всё шарчит-шарчит (ср. арх. *шарчи́ть* ‘шуметь, шелестеть, шуршать’ [ЛК ТЭ]), не поймёшь» (Арх., В-Т., Черновраговская). Интересно, что именно звукоподражанием информант объясняет прозвище *Губни́ца* (м.): «Говорит он нечисто, как губницу глотает. Слова лишние говорит часто, в общем, само по себе. Губницей и прозвали» (Арх.: Шенк., Федьковская). *Губни́цей* (арх.) называют грибной суп, грибницу [СГРС, т. 3, с. 155]. Возможно, на объяснение (как и на возникновение) прозвища повлияла контаминация двух значений слова *губы* — губы как часть артикуляционного аппарата,

движения которых могут быть неестественными при невнятной речи, и *зубы* — «съедобные шляпочные грибы» [Там же, т. 3, с. 150], название блюда из которых у информанта и ассоциируется с прозвищем.

Для указания на конкретный речевой дефект используется особая номинативная модель: прозвищем становится слово, которое человек произносит с ошибкой. Обратим внимание, что прозвища, «иллюстрирующие» речевой дефект, образованы по той же логике, что и шибболетнонимы, с той разницей, что обозначают фонетические особенности речи отдельного человека, а не носителей говора в целом. Образцом неправильного произношения может становиться, например, обозначение непосредственно звука, который человек не может произнести: *свист* → *Па́шка Фисту́ля* (м.): «У него зубов передних не было, так говорил всё как со свистом» (Влг.: В-Уст., Езекиево), *рык* → *Лыку́н* (м.): «“Р” не произносил» (Арх., Прим., Лопшеньга); собственное имя человека: *Мача́р* (м.): «Дед шепелявил, Мачяром себя прозывал» (Арх.: Плес., Першлахта), *Ко́ва* (м.): «Николай он, “л” не выговаривал, так Ко́ва» (Костр.: Меж., Петушиха), *Кады́ян* (м.): «Зовут его Коля, Колян. Он плохо выговаривает слова. Вот его имя и исковеркали: стали звать Кадыян» (Арх.: Холм., Ильино), *Мо́ныч* (м.): «Плохо выговаривал “Семёныч” — вот и пошло Моныч» (Костр.: Кад., Меленки) — в данном случае не уточняется, является ли *Семёновичем* сам обладатель прозвища, однако это можно с высокой степенью вероятности предположить, ориентируясь на предыдущие контексты; название коммуникативно значимого географического объекта: *Со́та* (м.): «Дано в связи с тем, что беззубый человек произносил слово Сólоти (д. Солоти находится в 2,5 км от с. Бестужево) как “со́ти»» (Арх.: Уст., Бестужево), *Тява́* (м.): «Надо на Савкино (Са́вкино — лес в 2,5 км от д. Афанасовская), а он: “Пойдём на Тявкино”; “с” не выговаривал» (Влг.: У-Куб., Афанасовская); часто используемые в речи слова и выражения: *Дайй* (ж.): «Мужик был Дайй. Надо бы говорить “Давай”, а он “Дайй”. Вот и дали ему прозвище Дайй» (Костр.: Нерех., Татарское), *Напе́р* (м.): «Потому что вместо “например” говорил “напе́р»» (Влг.: Кир., Шухтино), *По́шва* (ж.): «Она не могла сказать “пошла”, у ней получается “по́шва»» (Влг.: Ваш., Задняя Слободка), *Ягу́нья* (ж.): «Бабушка Ягу́нья говорила “ягушто”, она не выговаривала “я говорю, что...”» (Костр.: С-Гал., Гнездикино) и др., а также, по всей видимости, другие слова, которые наиболее ярко, по мнению языкового коллектива, показывают особенности произношения человека: *Але́ша* (*Дги́* (м.): «Он “р” не выговаривал и все вместо “три” “дги” говорил» (Арх., В-Т., Верхняя Воронка), *Коё́га* (м.): «Не мог называть слово “телега”, а звал “коёга”, вот за ним прозвище и осталось такое» (Арх.: Вин., Макси-

мовская), *Киркимойник* (м.): «Киркимойник говорить не умел, вытягал, выжимал слова, надо бы “рукомойник” сказать, а он — “киркимойник”» (Влг.: Гряз., Боброво), *Лыба* (м.): «“Р” не умел говорить, всё “лыба” говорил вместо “рыба”» (Арх.: Холм., Осерёдок), *Сесёнье* (м.): «Мужчину так звали: худо говорил; ему не высказать “воскресенье”, а так скажет “сесёнье”» (Волог.: Устюж., Выползово), *Соёка* (м.): «Мужик не выговаривал слово “сорока”, так и говорил “соёка”» (Костр.: Мак., Ефимово) и мн. др. Как видно из приведенных примеров, в абсолютном большинстве случаев именно искаженное звучание слова закрепляется в качестве прозвища. Из этого ряда выделяется только *Корова* (ж.): «“Корова” не выговаривала» (Арх.: Прим., Наволок).

Отметим единственный факт образной номинации конкретного речевого дефекта: *Пятачок* (м.): «Заикался он, как поросенок хрюкает, когда говорил, — вот и Пятачок» (Костр.: Кадый., Борисово).

3.3. Имитация неречевых звуков

На периферии «речевой» мотивации находятся прозвища, полученные по способности издавать необычные, «неязыковые» звуки, имитирующие звуки окружающей действительности. Назовем такие прозвища: *Ворон* (м.): «Когда был маленький, на землю сядет и каркает» (Влг.: Кир., Шухтино), *Гуда* (м.): «Он вышел маленький да загудел» (Костр.: Мак., Козлово), *Скурлатов* (м.): «Бывало летят журавли, так Скурлатов кричал, как они. Подражал журавлям, гусям» (Влг.: Шексн., Большой Овинец), *Свистун* (м.): «Он как пойдёт плясать, руки за спину заложит да посвистывает, его и зовут Свистун» (Арх.: Вил., Щербинская).

3.4. Речевое поведение и стиль общения

Перейдем к прозвищам, описывающим содержательные особенности речи: что именно говорит человек, как общается, соответствует ли его речь принятым в социуме нормам. В первую из «коммуникативных» групп мы поместили прозвища, характеризующие речевое поведение человека в целом, прежде всего — поведение нежелательное. Наиболее широко представлены номинации чрезмерно разговорчивых людей, нередко — сочетающих разговорчивость с другими особенностями, осложняющими коммуникацию: враньем, хамством, неумением чувствовать уместность высказываний и т. п.: *Сашика Баляса* (м.): «Много говорил (ср. влг. *балясить* ‘разговаривать, болтать’ [СГРС, т. 1, с. 56])» (Влг.: Уст., Холманы), *Додбниха* (ж.): «Всё ду-ду-ду, ворчала всё, и на повети говорит, и у коровы ходит — говорит» (Арх.: Холм., Кожгора), *Ляпа* (ж.): «Ляпа везде наляпает, правда, неправда»; «Ляпа всё как сорока на хвосте принесёт, как следователь» (Арх.: Вил., Язинец), *Свист* (м.): «Врёт много — вот и Свист» (Костр.: Кад., Вёшка), *Шумила* (м.): «Был у нас крикун, болтли-

вый такой — его Шумилой звали» (Костр.: Кад., Николаевский Починок) и др. (напомним, что прозвища, полученные за чрезмерную разговорчивость, подробно рассматриваются Я. В. Мальковой [Малькова, 2023]). Точно фиксируются прозвища, характеризующие другие особенности общения, например, любовь к спорам или (излишняя?) прямолинейность: *Поперёхта* (ж.): «Только поперек и говорит, ругается» (Арх.: Кон., Ерцево), *Правдённок* (м.): «Ивана-то Правдёнком звали, он-то правду всё скажет» (Влг.: К-Г., Селиваново).

В этой группе особенно явно реализована экспрессивно-оценочная функция прозвищ: оценка к называемому выражена через образные номинации, в роли производящих выступают лексемы с негативной коннотацией, привлекаемые образы характеризуются повторяемостью: *Соба́ка* (ж.): «Она залаит непошто, так вот Собака» (Арх.: Уст., Строевское) и *Соба́чка Гречка* (м.): «Собачка гречка — порода такая маленьких собачек. Она всё лает. И этот тоже всё шумит» (Арх.: Вил., Борок); *Воро́на* (ж.): «Ворона болтлива дак» (Арх.: Прим., Яреньга) и *Карку́ша* (ж.) «Каркуша в Курилове была. Она всё ругалась дак» (Костр.: Буй., Курилово); *Бая́н* (ж.): «Одну бабку, что много болтает, Баяном прозвали, про всех всё знала» (Влг.: Влгд., Дмитриевское) и *(Анто́н) Балала́йка* (м.): «Антон Балалайка, много говорил» (Костр.: Окт., Сивцевский с/с). Используются звукоподражания, имитирующие быструю речь: *Нинка-Тры́нка* (ж.): «Нинка-Трынка всё болтала и хвастала — вот прозвище и получила» (Костр.: Парф., Аносово) и *Тры́ка* и *Трещо́тка* (ж.): «Вот у нас баушка была, она болтливая малость, её звали Тры́ка. Она: “Тртртр”. Или Трещо́тка называли ещё» (Костр.: Нерех., Григорцево).

Выделим также экспрессивные диалектные лексемы в роли прозвищ, характеризующих разговорчивых людей: *Барабо́ха* (м.): «Говорил много да часто, вот Барабоха (ср. арх. *барабо́ха* ‘болтун, болтунья’ [СГРС, т. 1, с. 59]) и прозвали» (Арх.: Прим., Новинки), *Бузды́рь* (м.): «Он болтал много — вот и Буздырь (ср. костр. *бузды́рать* ‘болтать, мешать что-л. жидкое’, костр. *бузды́рь* ‘месиво, жидкое несытое кушанье’ [ЛКТЭ])» (Костр.: Вох., Лапшино).

3.5. Частотное словоупотребление

Наиболее объемную группу составляют прозвища, содержащие отсылку к слову или фразе, которые носитель прозвища часто произносит. Эти слова и речевые обороты, как правило, индивидуальны, не характерны для остальных членов языкового коллектива. По формальным признакам прозвища данной группы могут значительно отличаться от других: традиционно имя собственное в русском языке является существительным, при образной номинации в прозвищной антропонимии эксплуатируются обра-

зы, актуальные для «традиционного уклада домашнего хозяйства русского крестьянина» [Рут, 1992, с. 67]. Однако прозвища, мотивированные словами, — «эмблемы» речевого портрета, могут быть образованы от глаголов: *Пóнял* «Он всё ходит: “Понял? Понял?” — так и прозвали» (Арх.: Мез., Азаполье), *Зна́ете ли* (м.): «Все время так говорил: “Знаете ли?”» (Арх.: Вин., Шужега), *Пони́маете* (м.): «Он всё приговаривал: “Понимаете?” Ученый очень был» (Костр.: Вох., Кулебаново); междометий, частиц, местоимений: *Гéна Дык* (м.): «Потому что когда говорит “дык, дык”... Человек со странностями» (Костр.: Парф., Николо-Ширь), *Поско́лька* (м.): «Все “поскольку?” говорил» (Костр.: С-Гал., Новое Самылово), *Пыц* (м.): «Всё ребят бывало гонит: “Пыц, пыц, отседа”, — так и прозвали Пыцом» (Арх.: Пин., Матвера), *Ка́тя Хы* (ж.): «Когда спорит, “хы” говорит» (Арх.: Карг., Шмакова), *Са́ня Шко* (ж.): «После каждой фразы вставляла “-шко”. Отсюда и прозвище» (Влг.: Кад., Спирютино), *Алекса́ха То* (м.): «Ко всякому слову приговаривает “то”» (Арх.: Леш., Койнас); от целой фразы: *Дачто́* (м.): «Мужчина есть по прозвищу Дачто́. Он всё время говорит: да что. Да что? Да что!» (Костр.: Ост., Адищево), *Ко́коно* (м.): «Говорил часто: “Как оно?”» (Арх.: Вин., Шужега) и др. Именно в этой группе много «экзотических» образов, выходящих за рамки традиционной культуры: *Цека́* (м.): «Всё говорил: “Я в ЦК на вас напишу!”» (Арх.: Вил., Селяна), *Еропла́ниха* (ж.): «Она всё говорила, слетау на ероплане, так Еропланиха да Еропланиха» (Арх.: Холм., Кожгора), *Комме́рция* (м.): «В Питер съездил, так с тех пор всё говорил: “Коммерция!”» (Арх.: Мез., Дорогорское); *Ланцо́в* (м.): «“Ланцов из замка убежал” — песня была. У нас мужик один её пел. Вот и дали ему прозвище Ланцов» (Костр.: Нерех., Татарское) и т. д.

Прозвища, образованные от неименных частей речи, адаптируются к антропонимической системе русского языка, например, приобретают суффиксы существительных в результате окказионального словообразования: *Же́ка* (м.): «Ходил пьяный и говорил: “Я же, я же”, — вот и прозвали Жека» (Арх.: Холм., Меландово), *Ужо́тко* (м.): «Он всё говорил: “Вот ужо тебя, ужо”» (Влг.: В-Уст., Рукавишниково), *Хобонька* (м.): «Привычка была у него говорить: а мне хобы что — Хобонькой нарекли» (Костр.: С-Гал., Хорошево). Интересным вариантом словообразовательного «оформления» может быть придание прозвищу формального сходства с компонентами личного имени — отчеством или фамилией: *Тару́нич* (м.): «Был у нас предприниматель Нератов. Бывало, выпьет в трактире кружку пива, поставит ее и скажет: “Тару на”. Так и прозвали Тарунич» (Влг.: В-Важ., Филинская), *Дю́жев* (м.): «Он не Дюжев был, ему всё время говорили: “Хлебай шти, будешь дюжий”, — вот и прозвали Дюжев» (Костр.: Кад., Селище), *Каните́лин* (м.): «Этот Монастырёв очень часто говорил слово “канитель”»

(Арх.: Карг., Сорокинская). В некоторых случаях адаптация сочетается с ироническим обыгрыванием фразы или слова, часто повторяемых будущим носителем прозвища: *Неровно́* (м.): «Он кричал всё время по деревне: “Вот я вас всех выровняю”» (Волог.: Ваш., Калитино), *Шишковой́* (м.): «У Андрюхи любимая присказка была: “А говорят, шишки воют”. Его прозвали Шишковой́» (Арх.: Он., Большой Бор), *Помазо́к* (м.): «Да он всё время говорит: “Пойдем, вмажем”, — выпить то есть любит, вот и прозвали Помазком» (Арх.: Котл., Замелкишна) и т. д.

Рассмотрим подробнее, какие именно речевые обороты могут закрепляться во внутренней форме индивидуальных прозвищ. В первую очередь ими становятся эвфемизмы (особенно оригинальные), заменяющие бранные выражения: *Бог* (м.) и *Чёрт* (м.): «Бог мужик был, всё божился, а Чёрт чертыхался» (Арх.: Мез., Нижа), *Екі́ра-Ма́ра* (м.): «Он ругался, не матюгался, а говорил своё “екі́ра-ма́ра”, вот и звали его Екі́ра-Ма́ра» (Костр.: Буй., Пироговка), *(Ва́ся) Ело́вый Су́к* (м.): «Он не матюгался, а просто через каждое слово говорил “еловый сук”» (Арх.: Он., Абрамовская), *Ма́тка-Ма́лина* (м.): «У него поговорка была такая, чуть что — “вот Матка-Малина”» (Арх.: Вин., Устьявельга), *Ми́тя Па́льту́ха* (м.): «Ругался: “Мать твою в пальтуху!”» (Влг.: Чаг., Анисимово), *Пади́нка* (ж.): «Ругалась всё — “пади́на” да “пади́на” (ср. арх., волог. *пади́на* ‘падаль’, ‘бранно о человеке или животном’, ‘ругательство’ [ЛК ТЭ])» (Арх.: Он., Большой Бор), *Творе́нье* (м.): «Мужик всё ругался: “Провались, творенье!”» (Арх.: В-Т., Томаша), *Тухта́* (м.): «Што ему ни скажут, он мо́вит (ср. влг. *мо́вить* ‘говорить, сказать’ [СГРС, т. 7, с. 304]): “Полно-то, тухта́ (ср. влг. *ту́хту* *молоть* ‘молоть ерунду, вздор’, *ту́хта* ‘ерунда, туфта’ [ЛКТЭ]) ето”» (Влг.: Ник., Скочково), *Япо́нский Бог* (м.): «Матюг у него такой был после войны» (Влг.: Бабуш., Кулибарово) и мн. др. К ругательствам примыкают идиоматические сочетания, не всегда воспринимающиеся как бранные, но также функционирующие в роли присказок — часто повторяемых выражений: *Беда́* (м.): «Человек говорит и всё время “Ну, какая беда с вами” — так его и прозовут» (Арх.: Вин., Верхняя Васеньга), *(Ва́ня) Труба́* (м.): «Сам себе дал название: постоянно говорил: “Дело — труба”» (Арх.: Вил., Лубягино) и *Труба́* (м.): «Сам виноват, что Трубой прозвали. К каждому слову добавлял “труба, труба”» (Костр.: Кад., Екатеринкино), *Шля́па* (м.): «У него привычка была говорить: “Дело в шляпе”» (Влг.: Кад., Заказарье) и др.

Прозвищем часто становится необычное обращение к другим людям, которое человек использует: *А́нгел Мой* (м.): «У него привычка была говорить “ангел мой”, “ангел мой” — так и прозвали» (Костр.: Парф., Рогово), *Духо́нька* (ж.): «Ходила всем говорила: “Духо́нька боле моя”, — сама

Духонькой стала» (Костр.: С-Гал., Хорошево), *Лапушка* (ж.): «Баба была, ко всем обращалась: Лапушка ты моя, солдаты так потом и называли: где наша Нинка Лапушка?» (Костр.: С-Гал., Большой Починок), *Сви́ченька* (ж.): «Всегда говорит: “Ой ты, мой свиченька!”» (Влг.: Вож., Грудинская) и т. д. Интересно отметить прозвища, мотивированные излишне комплиментарной фразой человека в свой адрес: *Усы́рок* (м.): «Он трактористом был, все похвалялся: “У того усырок вспахал, у этого усырок” (ср. влг. *усы́рок* ‘крайний сырой край земельного участка’ [ЛКТЭ]) — его и прозвали Усы́рок» (Влг.: Бабуш., Рослятино), *Баты́лка* (м.): «Он был большой рыбак, рыба свежая у него всякий раз, кричит: “Иди ко мне, закуска у меня и баты́лка”, — да так и приклеилось» (Арх.: Холм., Верхнее).

Наконец, прозвище может содержать отсылку к песне или частушке, которые исполняет его носитель: (*Евгений*) *Васенёвцы* (м.): «Он всё ходит по деревне и поёт: “Если курица не скот, Васенёвцы — не народ”» (Арх.: В-Т., Дудыревская), *Кукаре́ка* (м.): «Он всё частушки пел, ку-ку, кукареку, вот и прозвали Кукарека» (Арх.: Холм., Таратины), *Котом́ка* (м.): «Котомка везде пел одну частушку: “У котомки — дыра, сухари валяются, / Подбирайте поскорей, а то объедятся”» (Влг.: Баб., Гридино), (*Лёша*) *Учкуду́к* (м.): «У Лёши Учкуду́ка такое прозвище потому, что он песню “Учкудук...” хорошо пел» (Костр.: Вох., Спас).

Помимо частотных выражений, характерных для речи конкретного человека, прозвищем также становится фраза, сказанная в необычной, запоминающейся ситуации, например: *Поваре́вич* (м.): «Загорелась поварня, а он бегал и кричал: “Поварея горит!”» (Арх.: Он., Ворзогоры), *Ежжелёнок* (м.): «В город на год съездил, зазнался, деревни не признаёт, у пахарей спрашивает: “Куда это, мужычки, ежжате?”» — вот и прозвали Ежжелёнок, наука ему» (Арх.: Уст., Нижнеборская). Подробно «ситуативные» прозвища были рассмотрены нами в [Борисова, 2024], поэтому в настоящей статье мы не будем останавливаться на них и перейдем к следующей модели наделения человека прозвищем.

3.6. Автохарактеристики

Во внутренней форме прозвищ закрепляются слова, которыми человек описывает себя. Языковой коллектив воспринимает подобные прозвища как самоназвания: информанты отмечают, что обладатель прозвища дал его «сам себе», например, *Голбе́шный* (м.): «У нас у одного мужика — сам себе название-то сказал, что голбе́шный я. Он чего, самогонки нагонит раньше, нагонят самогонку да уберут в голбе́ц (ср. костр. *го́лбец* ‘подполье под жилой частью дома’ [ЛКТЭ]), а он у матери украдет, придет да говорит: “Давай голбе́шную пить”. Ему название сделали такое — Голбе́шный» (Костр.: Шар., Николо-Шанга), *Колю́ля* (м.): «Василий Степанович его зва-

ли, играл всё в люльки-колюльки (ср. арх. *люльки-колюльки* ‘игра (какая?)’ [СГРС, т. 7, с. 194]), сам себя прозвал Колюля, так к нему и пристало» (Арх.: В-Т., Михалёвская).

Прозвища-самоназвания напоминают о том, что в русской традиционной культуре не принято хвастаться. По-видимому, неуместные и излишние восторженные автохарактеристики вызывают комический эффект, что и провоцирует появление прозвищных именований: *Коля-Я* (м.): «Всё восхвалял себя: “Я — Коля, Коля — я”» (Костр.: С-Гал., Батурино), *Хозяйчик* (м.): «Напьется и говорит: “Я хозяйчик, я”» (Арх.: Карг., Губарёвская), *Ласточка* (м.): «На машине ездил быстро — “я, — говорит, — как ласточка полечу”» (Арх.: Вил., Шихи), *Практичный* (м.): «Был мужик у нас один, всё говорил пойдём за меня замуж, я человек практичный» (Арх.: Пин., Матвера) и т. д.

3.7. Нормативность речи

В прозвищах закрепляется оценка речи человека с позиции ее соответствия литературной норме. Например, с помощью образа *Москвы* описывается обладатель речи, воспринимающейся как более «правильная»: *Москóвец* (м.): «Вышел из армии, стал говорить чище, вот и Москóвец» (Арх.: Уст., Бестужево). Однако чаще прозвищами становятся маркеры «чужой» речи — диалектные особенности соседней деревни, откуда родом носитель прозвища: *Архипко Пóвдень* (м.): «Архипко Пóвдень, он в животы пришел (ср. арх. В *животы́ прийті́* ‘о муже: пойти жить в дом жены (сожительницы)’ [СГРС, т. 3, с. 364]), а у нас говорят паужна (ср. арх. *па́ужна* ‘третий прием пищи между обедом и ужином, полдник’ [СРНГ, т. 25, с. 279]) да обед, а он всё говорил: “Надо повдневать”. Вот его и прозвали Архипко Пóвдень» (Арх.: Вел., Гора) — или другого языка (группы говоров): *Хибá* (м.): «Жил там где-то на Украине и говорил все на “х”, как хохот» (Влг.: Бабуш., Миньково), *Бубля* (ж.): «Бубля из Польши родом была, картошку бульбой называла, здесь переиначили Бубля» (Арх.: Кон., Пожарище). Отмечено также индивидуальное словоупотребление, отличное от общепринятого: *Кадрéлка* (ж.): «Она танец кадриль называла кадрéлкой» (Арх.: Пин., Прилук), *Кúтья* (ж.): «Гороховый суп кúтьей называли, она все ее и ела» (Арх.: Уст., Карповская), *Пéтя Мáмин* (м.): «Матку мамой звал» (Влг.: Бабуш., Муравьево), *Нíнка Тю́тка* (ж.): «Картошку “тю́ти” назвала: “Ой, какие тю́ти narосли большие”» (Влг.: В-Важ., Пахомовская).

3.8. Взаимохарактеристики

Иногда прозвищем становится слово, сказанное в адрес человека другими, прежде всего искаженный вариант имени (ср. аналогичные примеры автоиминаций в разделе 3.2. Речевые дефекты): *Кúка* (ж.): «Её Оксютой звали. Я по второму году была, не могла из-за малости назвать. Так говорила всё: “Кука, не уходи”. То прозвание пронесли, пока не умерла

она. Мама меня всё ругала, что прозвание дала» (Влг.: Кир., Крутоберёгая), *Пáвлик-Шíмка* (м.): «Деда звали Ефим, Ефимка, кто-то не выговаривал — стал он Шимка» (Арх.: Уст., Бестужево), *Пéпа* (ж.): «Её сестра в детстве вместо Стёпы называла Пепа. Вот и пошло Пепа» (Влг.: В-Уст., Слободчиково) и др.; реже — оценочно-характеризующие высказывания (как положительные, так и отрицательные): *Бо́льша́к* (м.): «Жена приговаривала: “Он у меня большак” (ср. влг. *бо́льша́к* ‘хозяин дома, глава семьи’, ‘старший сын, брат’ [СГРС, т. 1, с. 143])» (Влг.: Бел., Зубово), *Парасы́ток* (м.): «Всё вот дай сахару реве́т, а мать-то — “Что ты, парасы́ток (ср. арх. *парасы́ток* ‘озорной ребенок’, ‘бранно о ребенке’ [ЛКТЭ]) проклятый”» (Арх.: В-Т., Алексеевская).

4. Заключение = Conclusions

Прозвища, которые даны человеку за особенности речи и коммуникативного поведения, представляют собой одну из самых многочисленных групп. В прозвищах отмечены как физические признаки речи, так и её содержание. Наиболее широко в севернорусских прозвищах представлена группа «Частотное словоупотребление», а также «Речевые дефекты» и «Речевое поведение и стиль общения». Можно сделать вывод о том, что номинативно отмечены, с одной стороны, особенности речи и коммуникативного поведения, затрудняющие коммуникацию с человеком: чрезмерная разговорчивость, неуместность высказываний, невнятная речь, дефекты дикции и т. д. С другой стороны, прозвищная номинация демонстрирует рефлексию языкового коллектива над речевым поведением и содержательной спецификой речи окружающих людей: какие слова человек использует, как и что человек говорит о себе, соответствует ли его речь литературной норме и речи других членов социума.

Многие прозвища, основанные на признаках речи и коммуникативного поведения человека, экспрессивны, ироничны, реализуют образные модели номинации. Однако ведущей моделью образования прозвищ становится иллюстрация особенностей речи человека с помощью конкретного «примера», слова-эмблемы. Внутренняя форма прозвища, таким образом, представляет собой имитацию речи другого человека: содержит отсылку к слову или фразе, которые отличают речь конкретного человека от других. Являясь единицей языка и речи, прозвищный антропоним в этом случае приобретает метаязыковую мотивацию: используя прозвище, люди как бы подражают речи его носителя.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Список сокращений

В названиях языков и диалектов:

арх. — архангельские говоры русского языка

влг. — вологодские говоры русского языка

костр. — костромские говоры русского языка

В названиях административно-территориальных единиц:

Арх. — Архангельская область

Баб. — Бабаевский район Вологодской области

Бабуш. — Бабушкинский район Вологодской области

Буй. — Буйский район Костромской области

Бел. — Белозерский район Вологодской области

Ваш. — Вашкинский район Вологодской области

В-Важ. — Верховажский район Вологодской области

Влгд. — Вологодский район Вологодской области

Вел. — Вельский район Архангельской области

Вил. — Вилегодский район Архангельской области

Вин. — Виноградовский район Архангельской области

Влг. — Вологодская область

Вож. — Вожегодский район Вологодской области

Вох. — Вохомский район Костромской области

В-Т. — Верхнетоемский район Архангельской области

В-Уст. — Великоустюгский район Вологодской области

Гряз. — Грязовецкий район Вологодской области

Кад. — Кадынский район Костромской области

Карг. — Каргопольский район Архангельской области

К-Г. — Кичменгско-Городецкий район Вологодской области

Кир. — Кирилловский район Вологодской области

Кон. — Коношский район Архангельской области

Костр. — Костромская область

Котл. — Котласский район Архангельской области

Леш. — Лешуконский район Архангельской области

Мак. — Макарьевский район Костромской области

Меж. — Межевской район Костромской области

Мез. — Мезенский район Архангельской области

Нерех. — Нерехтский район Костромской области

Ник. — Никольский район Вологодской области

Нюкс. — Нюксенский район Вологодской области

Окт. — Октябрьский район Костромской области

Ост. Островский район Костромской области

Он. — Онежский район Архангельской области

Парф. — Парфеньевский район Костромской области

Плес. — Плесецкий район Архангельской области

Пин. — Пинежский район Архангельской области

Прим. — Приморский район Архангельской области

С-Гал. — Солигаличский район Костромской области

У-Куб. — Усть-Кубинский район Вологодской области

Уст. — Устьянский район Архангельской области

Устюж. — Устюженский район Вологодской области
Холм. — Холмогорский район Архангельской области
Чаг. — Чагодощенский район Вологодской области
Шар. — Шарьинский район Костромской области
Шексн. — Шекснинский район Вологодской области
Шенк. — Шенкурский район Архангельской области

Источники и принятые сокращения

1. АКТЭ — *Антропонимическая* картотека Топонимической экспедиции УрФУ (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург).
2. ЛКТЭ — *Лексическая* картотека Топонимической экспедиции УрФУ (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург).
3. СГРС — *Словарь* говоров Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001. — Т. 1. — 252 с. — ISBN 5-7525-0999-8.
4. СРНГ — *Словарь* русских народных говоров. — Москва : Наука ; Ленинград : Наука, 1965. — Т. 1. — 265 с. — ISBN 5-02-027894-7.
5. ССРЛЯ — *Словарь* современного русского литературного языка / глав. ред. В. И. Чернышев. — Москва ; Ленинград : Изд. и 1-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1950—1965. — Т. 1—16.

Литература

1. Березович Е. Л. Топонимия Русского Севера: Этнолингвистические исследования / Е. Л. Березович. — Екатеринбург : Изд-во Урал, ун-та, 1998. — 338 с. — ISBN 5-7525-0662-X.
2. Борисова Е. О. К изучению индивидуальных прозвищ с ситуативной мотивировкой в русских народных говорах / Е. О. Борисова // Вопросы ономастики. — 2024. — Т. 21 (3). — С. 156—177. — DOI: 10.15826/vopr_onom.2024.21.3.036.
3. Вальтер Х. Большой словарь русских прозвищ / Х. Вальтер, В. М. Мокиенко. — Москва : Олма Медиа Групп, 2007. — 704 с. — ISBN 978-5-373-00435-0.
4. Верещагин Е. М. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции : лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. — Москва : Индрик, 2005. — 1040 с. — ISBN 5-85759-289-5.
5. Гузнова А. В. Прозвищная номинация в Арзамасских говорах : диссертация ... кандидата филологических наук / А. В. Гузнова. — Арзамас, 2016. — 291 с.
6. Ивановић М. Шта су шиболетноними и постоје ли они у српском језику / М. Ивановић // Филолог. — 2023. — № 14 (27). — Рр. 275—298. — DOI: 10.21618/fil2327275i.
7. Малькова Я. В. Севернорусские прозвища, характеризующие речь : семантико-мотивационный аспект / Я. В. Малькова // Филологический класс. — 2023. — Т. 28 (3). — С. 135—146.
8. Никулина З. П. О некоторых факторах, влияющих на выбор прозвища / З. П. Никулина // Вопросы ономастики. — Свердловск : Урал. гос. ун-т, 1986. — Выпуск 14. — С. 116—121.

9. Никулина З. П. О синонимии имен собственных / З. П. Никулина // Русское слово в языке и речи. — Кемерово : Кемеров. гос. ун-т, 1976. — С. 53—58.
10. Рут М. Э. Образная номинация в русском языке / М. Э. Рут. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1992. — 144 с. — ISBN 5-7525-0223-3.
11. Селищев А. М. Труды по русскому языку / А. М. Селищев. — Москва : Языки славянской культуры, 2003. — Т. 1. — 610 с. — ISBN 5-94457-136-5.
12. Флоровская В. А. Прозвища в русских говорах Кубани / В. А. Флоровская // Этнография имен. — Москва : Наука, 1971. — С. 141—145.
13. Чайко Т. Н. О принципах номинации в народных прозвищах (на материале говоров Кировской области) / Т. Н. Чайко // Вопросы топониматики. — Свердловск : Урал. гос. ун-т, 1971. — Выпуск 5. — С. 150—153.
14. Чичагов В. К. Из истории русских имен, отчеств и фамилий: Вопросы русской исторической ономастики XV—XVII вв. / В. К. Чичагов. — Москва : Учпедгиз, 1959. — 129 с.
15. McConvell P. Shibbolethonyms, ex-exonyms and eco-ethnonyms in Aboriginal Australia : the pragmatics of onymization and archaism / P. McConvell // Onoma. — 2006. — № 41. — Pp. 185—214.
16. Tindale N. B. Aboriginal tribes of Australia : their terrain, environmental controls, distribution, limits and proper names / Norman B. Tindale. — Canberra : ANU Press, 1974. — 460 p. — ISBN 0-7081-0741-9.

Статья поступила в редакцию 31.07.2025,
одобрена после рецензирования 19.09.2025,
подготовлена к публикации 04.11.2025.

Material resources

- ACT — *The anthroponymic card file of the UrFU Toponymic Expedition (stored at the Department of Russian Language, General Linguistics and Speech Communication of the Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg).* (In Russ.).
- LCTE — *Lexical index of the UrFU Toponymic Expedition (stored at the Department of Russian Language, General Linguistics and Speech Communication of the Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg).* (In Russ.).
- SGRS — Matveev, A. K. (ed.). (2001). *Dictionary of dialects of the Russian North, 1.* Yekaterinburg: Ural Publishing House. Univ. 252 p. ISBN 5-7525-0999-8. (In Russ.).
- SRNG — *Dictionary of Russian folk dialects, 1.* (1965). Moscow: Nauka; Leningrad: Nauka. 265 p. ISBN 5-02-027894-7. (In Russ.).
- SSRLYA — Chernyshev, V. I. (ed.). (1950—1965). *Dictionary of modern Russian literary language, 1—16.* Moscow; Leningrad: Ed. and 1st type. Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. (In Russ.).

References

- Berezovich, E. L. (1998). *Toponymy of the Russian North: Ethnolinguistic research.* Yekaterinburg: Ural Publishing House, University. 338 p. ISBN 5-7525-0662-X. (In Russ.).
- Borisova, E. O. (2024). Towards the study of individual nicknames with situational motivation in Russian folk dialects. *Voprosy onomastiki*, 21 (3): 156—177. DOI: 10.15826/vopr_onom.2024.21.3.036. (In Russ.).

- Chayko, T. N. (1971). On the principles of nomination in folk nicknames (based on the dialects of the Kirov region). In: *Toponomastics issues*, 5. Sverdlovsk: Ural State University. 150—153. (In Russ.).
- Chichagov, V. K. (1959). *Russian names, patronymics and surnames: Issues of Russian historical onomastics of the XV—XVII centuries*. Moscow: Uchpedgiz. 129 p. (In Russ.).
- Florovskaya, V. A. (1971). Nicknames in Russian dialects of Kuban. In: *The ethnography of names*. Moscow: Nauka Publ. 141—145. (In Russ.).
- Guznova, A. V. (2016). *Nickname nomination in Arzamas dialects*. PhD Diss. Arzamas. 291 p. (In Russ.).
- Ivanovich, M. (2023). What are sibolethonyms and do they exist in the Serbian. *Philologist*, 14 (27): 275—298. DOI: 10.21618 / fil2327275i. (In Serb.).
- Malkova, Ya. V. (2023). Northern Russian nicknames characterizing speech: a semantic and motivational aspect. *Philological class*, 28 (3): 135—146. (In Russ.).
- McConvell, P. (2006). Shibbolethonyms, ex-exonyms and eco-ethnonyms in Aboriginal Australia: the pragmatics of onymization and archaism. *Onoma*, 41: 185—214.
- Nikulina, Z. P. (1976). On the synonymy of proper names. In: *Russian word in language and speech*. Kemerovo: Kemerovo State University. 53—58. (In Russ.).
- Nikulina, Z. P. (1986). On some factors influencing the choice of a nickname. In: *Questions of onomastics*, 14. Sverdlovsk: Ural State University. 116—121. (In Russ.).
- Ruth, M. E. (1992). *Figurative nomination in the Russian language*. Yekaterinburg: Ural Publishing House. Univ. 144 p. ISBN 5-7525-0223-3. (In Russ.).
- Selishchev, A. M. (2003). *Works on the Russian language, I*. Moscow: Languages of Slavic Culture. 610 p. ISBN 5-94457-136-5. (In Russ.).
- Tindale N. B. (1974). *Aboriginal tribes of Australia: their terrain, environmental controls, distribution, limits and proper names*. Canberra: ANU Press. 460 p. ISBN 0-7081-0741-9.
- Vereshchagin, E. M., Kostomarov, V. G. (2005). *Language and culture. Three linguistic concepts of foreign studies: lexical background, speech-behavioral tactics and sapientema*. Moscow: Indrik. 1040 p. ISBN 5-85759-289-5. (In Russ.).
- Walter, H., Mokienko, V. M. (2007). *The Big dictionary of Russian nicknames*. Moscow: Olma Media Group. 704 p. ISBN 978-5-373-00435-0. (In Russ.).

*The article was submitted 31.07.2025;
approved after reviewing 19.09.2025;
accepted for publication 04.11.2025.*